

Босиком по траве

Автор:

Эми Хармон

Босиком по траве

Эми Хармон

Романы Эми Хармон

Странная дружба возникла между угловатой тринадцатилетней Джози и нелюдимым восемнадцатилетним Сэмюэлем. Она учит его литературе и музыке. Он ее защищает. Каждый чувствует, что нашел родственную душу. Но оба взрослеют, и неизбежно их дороги расходятся.

Позади остаются первая любовь, горечь потерь, мечты, которым так и не суждено сбыться. Сэмюэль и Джози снова встречаются спустя почти десять лет. Их встреча дарит чувство легкости и надежды. Она напоминает о беззаботности, с которой дети бегают босиком по траве. Обоим так хочется жить, дружить и любить, как в первый раз...

Э. Хармон

Босиком по траве

Copyright © 2012 by Amy Harmon

This edition published by arrangement with Amy Harmon and Dystel, Goderich & Bourret.

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

* * *

Посвящается Шоне, потому что она первой прочитала и полюбила мою книгу и потому что она любит Леван

1. Прелюдия

С САМОГО РОЖДЕНИЯ Я ЖИЛА в штате Юта, в маленьком городке под названием Леван. Он находится в самом центре штата, и жители шутят, что наш город – пупок Юты[1 - Если название Levan прочитать справа налево, получится слово navel (англ. «пупок»)]. Не самая благородная ассоциация, но больше ничего примечательного в Леване нет. Несколько поколений моих предков выросли на этой земле, начиная с первых переселенцев, прибывших сюда в конце 60-х годов XIX века и основавших деревушку под названием Малая Дания Семьи. Поселившиеся здесь были мормонами, искавшими себе новый дом, где их не потревожат, где можно будет спокойно растить детей и возносить хвалу Господу.

Большинство современных жителей города – потомки белокурых датчан. Предки моей семьи – Дженсенов – были в числе самых ранних переселенцев из Дании. Прошло больше века, но и мою голову украшают те же светлые волосы, что у прошлых поколений. Во всей семье одна только мама была не блондинкой, а шатенкой, но и на этот раз упрямые датские гены победили. Мне и трем моим братьям достались отцовские светлые волосы и небесно-голубые глаза, такие же, как у нашего прапрадеда, который, будучи совсем молодым, пересек бесконечные равнины и обосновался в Леване, где построил дом и новую жизнь.

Много лет назад Леван процветал – по крайней мере, так говорил мой отец. На Центральной улице стоял торговый дом «Шепардс» и ресторанчик с домашним мороженым, которое делали из ледяных брикетов. Летом их хранили в большой морозильной яме под слоем земли, соли и соломы. В городе была довольно большая начальная школа и здание мэрии. Потом построили новую автомагистраль в нескольких милях от нас. Леван и раньше не слишком привлекал посетителей, а теперь и вовсе лишился притока «свежей крови». К тому времени, когда я родилась, ресторанчик с мороженым давно закрылся, а чуть позже его участь постигла и торговый дом.

Начальная школа постепенно начала разваливаться и в итоге сузилась до одного кабинета: молодежь подросла, а занять покинутые ими парты оказалось некому. Дети постарше продолжали учебу в средней и старшей школе соседнего городка, Нефи, до которого нужно было полчаса добираться на автобусе. Когда я доросла до начальной школы, там оставалось два учителя: один вел занятия у детей с дошкольного возраста и до второго класса, а другой у всех остальных – от третьего класса и старше. Некоторые из жителей покинули город, но большинство семей, живших здесь десятилетиями, не спешили переезжать.

На Центральной улице остался только маленький универмаг с разноплановыми товарами: от молока до удобрений. Он носил гордое название «торговый комплекс». Понятия не имею почему: ни на какой комплекс этот магазинчик не был похож. Его владелец пристроил два помещения по бокам здания и сдавал их желающим открыть свой бизнес.

На одном конце открылась забегаловка с несколькими столиками, куда старики приходили пить кофе по утрам. Хозяйку этого заведения, миссис Джонсон, за глаза все называли Потная Полли. Кроме нее в забегаловке никто не работал: Полли была сама себе поваром, официантом и управляющим. Она готовила пышные домашние пончики и самую вкусную картошку фри на свете – все как следует прожарено! Лицо Полли всегда блестело, покрытое маслом и потом после многих часов, проведенных у плиты. За это ей и дали такое прозвище. Даже когда она, хорошенько отмывшись, приходила в церковь в воскресенье, ее лицо все равно сияло, и вовсе не потому, что на нее снизошел Святой Дух.

На другом конце моя тетя Луиза открыла парикмахерскую, куда почти все женское население Левана ходило за стрижками, окрашиванием и возможностью поболтать. Фамилия моей тетки – Баллу, с ударением на «у», поэтому она назвала свой салон «Баллу на углу», но все в городе говорили

просто: «У Луизы».

Перед «комплексом» стояли бензоколонки и палатка с вывеской «Худышка», где дети моей тети каждое лето торговали гавайским мороженым, то есть сладким крошеным льдом. Боб, муж Луизы, работал дальнобойщиком и редко бывал дома. Пятерых детей нужно было чем-то занять, пока их мать орудовала ножницами. Луиза решила, что это хороший повод открыть семейное дело. Так и появилась палатка с мороженым. Боб построил простенький деревянный ларек, который вышел похожим на высокий узенький сарай, отсюда и название «Худышка». В универмаге продавались ледяные брикеты, так что за сырьем далеко ходить было не нужно. Луиза купила шейвер для изготовления ледяной крошки и небольшой запас сиропа в Нефи, а также трубочки, салфетки и одноразовые стаканчики двух размеров. Получилась довольно примитивная предпринимательская модель с незначительными вложениями. Ребенок, стоявший у прилавка, получал в награду от Луизы пять долларов и неограниченный доступ к собственному товару. Кузина Тара, моя ровесница, однажды так объелась льдом, что ее вырвало. Она до сих пор терпеть не может гавайское мороженое: ее тошнит от одного только запаха сиропа.

Еще на Центральной улице располагались кирпичное здание почты и бар под названием «У Пита» рядом с церковью – да-да, интересный выбор места. Вот вам и весь Леван. Все в городе знали, кто что умеет: кто кузнец, кто пекарь, кто делает подсвечники. Мой отец лучше всех мог подковать лошадь, Дженс Стивенсон был прекрасным механиком, Пол Аагард – плотником, и так далее. Кто-то отлично шил, готовил, мастерил украшения. Елена Росквист была акушеркой и несколько раз принимала роды, когда они начинались внезапно и уже не было времени ехать в больницу в Нефи. Люди зарабатывали своими умениями и без вывесок над дверью.

Иногда к нам перебирались и новые жители, решив, что отсюда не так уж и далеко ездить на работу в большие города. Не самое плохое место для тех, кто хочет обустроить семейное гнездо. В маленьких городках тебе всегда помогут с воспитанием детей. Все всех знают: не успеет ребенок похулиганить, как его родителям уже доложили. Весь Леван не больше квадратной мили, если не считать фермы за окраиной, но в детстве он казался мне целым миром.

Может, именно благодаря тесноте этого маленького мирка мне было проще справиться с первой потерей – ведь все вокруг обо мне заботились. А вот пережить вторую утрату, наоборот, оказалось сложнее, потому что это была

общая боль. Жизнь, оборвавшаяся так рано, на самом пороге счастья, – огромное потрясение для мирного городка. Никто всерьез не верил, что я справлюсь с горем. Ботинок, потерявший свою пару, уже нельзя надеть. А как быть без обуви? Не бежать же по траве босиком?

Первой потерей, о которой я упомянула, стала моя мать. Мне не исполнилось еще и девяти, когда Джанель Дженсен, мать четверых детей, нежно любимая жена, пала жертвой рака груди. Я отчетливо помню, как страшно мне было, когда у мамы выпали все волосы. Ей пришлось носить розовую шапочку, чтобы прикрыть абсолютно лысую макушку. Мама смеялась, что купит себе светлый парик и наконец-то будет похожа на всю остальную семью. Но она этого так и не сделала. Не успела. Ей поставили диагноз вскоре после Рождества. Рак успел распространиться на легкие, опухоль оказалась неоперабельной. К четвертому июля мамы уже две недели как не было с нами. В городе началось празднование Дня независимости нашей страны, а я слушала радостный шум и ненавидела внезапно свалившуюся на меня собственную независимость. За окном затрещали фейерверки, и я заметила, как отец поджал губы и стиснул руки в кулаки.

Он взглянул на нас, угрюмых белокурых ребяташек, и попытался улыбнуться.

– Ну что, команда Джей? – Его голос дрогнул: мама обожала нас так называть. – Поедем в Нефи смотреть большой салют?

Моего отца зовут Джим. Мама считала, что их имена неспроста начинались с одной буквы: видимо, им суждено было быть вместе. Поэтому всем нам тоже дали имена на «джей». Не то чтобы это было очень оригинально. В Леване было полно семей с именами на одну букву: «кей», «би», «кью» и так далее. Любую букву назовите – обязательно кто-нибудь найдется. А некоторые давали детям тематические имена: например, Родео или Джуста Пастушка. Я не шучу.

Ну а у нас в семье все были на «джей»: Джим, Джанель, Джейкоб, Джаред, Джонни и Джози Джо Дженсен. Команда Джей. Плохо было только то, что, когда маме нужно было позвать кого-то из нас, ей приходилось перебрать всех, чтобы дойти до нужного имени. Я была совсем маленькой, однако почему-то до сих пор помню, как в последние недели жизни мама ни разу не назвала неправильное имя. Возможно, дело было в том, что отвлекавшие ее повседневные мелочи наконец растворились и она стала уделять больше внимания каждому слову, жесту, выражению лица.

В тот год мы так и не поехали смотреть салют. Я пошла с братьями на улицу, где соседи запускали бутылочные ракеты и вертушки, а отец всю ночь работал в сарае, пытаясь спрятаться от веселого гама, который казался насмешкой над его горем. Тяжелый труд стал его спасением от печали, а алкоголь помогал забыться, когда работать не было сил.

Мы держали кур, коров и лошадей, но доход от фермерства был небольшой, поэтому отец, чтобы обеспечить нас, работал на электростанции в Нефи. Фермой занимались в основном братья, а у меня там было совсем немного обязанностей. Поэтому после смерти матери я взяла на себя работу по дому и готовку. Джейкоб, Джаред и Джонни были старше меня на семь, шесть и пять лет соответственно. Мама всегда говорила, что я стала для них с отцом чудесным сюрпризом. Пока она была жива, я наслаждалась статусом младшенькой, которую все обожают. Но с уходом мамы все изменилось, и семье теперь не нужна была избалованная малышка.

Поначалу нам очень много помогали – мы просто не знали, что делать со всей этой помощью. Леван, по-моему, единственный в мире город, где никто не заказывает еду для поминок. Обычно прощание проходит в день накануне похорон, а потом еще одно – за час до панихиды. После похорон семья и друзья умершего возвращаются в церковь, где их уже ждет пышная трапеза, приготовленная женщинами Левана. Никто не говорит: «Я принесу пирог» или «С меня картошка». Еда просто появляется на столах: самые разные нарезки, салаты, гарниры, пирожные, печенье и пироги. Женщины нашего города умеют накрыть стол как никто другой. Помню, как после маминых похорон я шла мимо столов, уставленных блюдами, смотрела на всю эту красоту и понимала, что мне кусок в горло не полезет. Тогда я еще не знала, как можно утешаться едой.

Это изобилие продолжалось много дней. Каждый вечер на протяжении трех недель кто-нибудь приносил нам ужин. Нетти Йейтс, наша пожилая соседка, приходила почти каждый день, помогала разложить оставшуюся еду по контейнерам и заморозить. Съесть все мы просто не успевали, хотя в семье было трое растущих мальчишек. Но в конце концов эти постоянные поставки продуктов закончились: жители города переключились на другие трагедии.

Повар из моего отца был никудышный. После нескольких месяцев на хлопьях и бутербродах с арахисовой пастой я попросила тетю Луизу научить меня что-нибудь готовить. В ближайшую свободную субботу она пришла и показала мне все самое необходимое. Я заставила ее подробно объяснить, как кипятить воду

(«Держи под крышкой, пока не закипит, потомними!»), жарить яичницу («Огонь должен быть слабый!») и котлеты для гамбургеров («Постоянно переворачивай, чтобы не осталось розовых участков!»). Я тщательно законспектировала все инструкции, каждый шаг. Еще я записала рецепт блинчиков («Перевернуть после появления «лунных кратеров»), спагетти (по словам Луизы, секрет был в том, чтобы добавить в соус немного тростникового сахара) и печенья с шоколадной крошкой (оно получится пышнее и мягче, если замешать тесто с жиром). Я совсем замучила свою бедную тетку, зато к концу дня у меня была целая стопка подробных инструкций, записанных моим корявым детским почерком. Я прикрепилла эти листочки на холодильник.

Через месяц всем надоели блинчики и спагетти (от печенья с шоколадной крошкой мои братья никогда не откажутся), а Луиза сказала, что у нее взорвется мозг, если придется еще раз пройти через подобную экзекуцию, поэтому я стала обращаться к женщинам в церкви, прося разрешения прийти к ним и посмотреть, как они готовят ужин. Я делала так каждый раз, когда хотела узнать новый рецепт. Хозяйки всегда были добры ко мне и терпеливо объясняли каждый шаг, перечисляя ингредиенты, рассказывая, где их купить или как вырастить. Я даже зарисовывала банки и пачки с продуктами, чтобы не забыть, как они выглядят. Еще я сделала себе табличку с овощами, нарисовав верхушки всех корнеплодов (моркови, редиса, картошки), чтобы знать, что нужно выкопать к ужину. В первые пару лет после смерти мамы у нас, правда, не было своего огорода, но Нетти Йейтс разрешала мне приходить за овощами к ней на участок. В конце концов она помогла мне посадить несколько грядок, которые с каждым годом расширялись. К началу старшей школы у меня был собственный большой огород, где я сажала, выращивала и собирала все, что нужно.

Я научилась стирать, отделяя светлые вещи от темных, заляпанные маслом рабочие штаны – от обычной повседневной одежды. Я прибиралась в доме, представляя себя Белоснежкой, которой нужно заботиться о неряшливых гномах. Еще я ездила на велосипеде забирать почту. В Леване не было почтовых ящиков, все письма доставляли в городское отделение. Там для каждой семьи стоял ящик с замком. Отец оставлял для меня конверты, которые нужно отправить, а я наклеивала марки и отвозила письма на почту. К двенадцати годам я уже знала, как вести учет доходов и расходов, и отец оформил на меня счет в банке. С тех пор я могла сама оплачивать продукты и все, что нужно по хозяйству. Папа занимался фермой, а я – домом.

Только одну обязанность я очень не хотела брать на себя – заботу о курах. Ими всегда занималась мама: кормила, собирала яйца, чистила курятник. А я их до смерти боялась. Мама рассказывала, что, когда я была совсем маленькой, братьев попросили последить за мной, но они отвлеклись. Я забрела во двор, и одна особенно злобная рыжая несушка загнала меня в угол. Когда меня обнаружили, я стояла, застыв от ужаса. Я не плакала, но мама, подхватив меня на руки, заметила, что все мое тело будто онемело. Потом мне еще несколько недель снились кошмары.

К курам не так-то легко проникнуться теплыми чувствами. Это агрессивные, злые птицы, готовые в любую минуту кинуться в драку. Когда мне пришлось впервые самой собирать яйца, я чуть не начала задыхаться от ужаса. Но постепенно ежедневная победа над страхом заставила меня поверить в свои силы, и я начала гордиться тем, что ухаживаю за этими неприятными созданиями. Я дала каждой курице имя и разговаривала с ними, будто с непослушными детьми. Так, шаг за шагом осваивая новые умения, я обрела уверенность в себе и сумела достойно продолжить мамино дело.

2. Маэстро

МНЕ ПРАВИЛОСЬ ИМЕТЬ цель в жизни, нравилось быть нужной. Я заметила, что забота об отце и братьях заставляет меня любить их еще сильнее, а любовь к ним помогает смириться с потерей. Я и раньше была серьезным ребенком, предпочитая уединение играм с ровесниками, а смерть матери лишь усилила эту черту. Чем более самостоятельной я становилась, тем сложнее мне было соответствовать своему возрасту. Я не залезала на колени к отцу, не требовала, чтобы меня обнимали и целовали, не закатывала истерик из-за недостатка внимания. Наверное, я вела себя как очень маленький взрослый. Одиночество меня не смущало. Наоборот, без груза чужого сочувствия становилось легче.

Временами, особенно в первый год после смерти мамы, тоска накрывала наш дом плотным одеялом, под которым трудно было дышать. Тяжесть нашего общего горя давила со всех сторон, поэтому я предпочитала грустить где-нибудь подальше от дома. Когда у меня выдавался перерыв, я садилась на свой синий велосипед и изо всех сил крутила педали. Примерно на расстоянии мили от дома, у Украинного холма, находилось небольшое кладбище. Я садилась

возле маминой могилы и молча плакала, пока не становилось легче дышать. Я брала с собой что-нибудь и читала, прислонившись к ее надгробию. Книги были моими друзьями. Я жадно поглощала все, что удавалось раздобыть, и искренне восхищалась любимыми персонажами. Аня из Зеленых мезонинов[2 - Героиня одноименного романа для детей канадской писательницы Люси Монтгомери.] стала моей лучшей подругой, Маленькая принцесса[3 - Речь идет о Саре Кру, героине одноименного романа для детей английской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт.] и Хайди[4 - Героиня повести для детей «Хайди: годы странствий и учебы» швейцарской писательницы Иоханны Спири.] – образцами для подражания, у которых я училась мужеству. Меня радовало, что у детей в этих книгах, несмотря на пережитые беды, все заканчивалось хорошо. Я начала понимать, что не бывает историй без трудностей, и мысль об этом утешала. Меня вдохновила жертва, которую принес главный герой в книге «Обезьянье лето» Уилсона Роулза. Прочитав его же роман «Где растет красный папоротник», я посадила на маминой могиле это растение в честь Дэна и Энн.

В один из таких дней, примерно через год после смерти мамы, я сидела на кладбище с книгой и вдруг увидела длинный белый кадиллак, который медленно двигался по проселочной дороге вдоль западной ограды кладбища. В Леване ни у кого не было белых кадиллаков, да и вообще никаких: ни белых, ни цветных. Я следила за приближением машины, забыв об открытой книге – «Лев, Колдунья и платяной шкаф»[5 - Одна из книг цикла «Хроники Нарнии» британского писателя Клайва Стейплза Льюиса.], – которую я читала уже в третий раз. Из-под колес поднимались клубы пыли. Кадиллак проехал мимо и, урча мотором, пополз на Окраинный холм, где располагались коттеджи Брокбэнков. Наверное, приехало новое семейство. Внезапно мне ужасно захотелось узнать, к какому дому направляется кадиллак. Я решила, что смогу незаметно проследить за ним. Если что, всегда успею спрятаться за зарослями полыни. Холм был крутой, поэтому, остановив велосипед на вершине, я поняла, что успела покрыться потом и пылью.

На Окраинном холме стояло три красивых коттеджа. Все они принадлежали богатому семейству Брокбэнков. Судя по всему, их сыновья, которые интересовались строительным и арендным бизнесом, вообразили, что холм будет отличным местом для отдыха, и возвели там внушительный архитектурный комплекс. Сами Брокбэнки со взрослыми детьми несколько раз приезжали пожить в одном из коттеджей, но уже несколько лет дома пустовали. Именно это семейство дало холму название «Окраинный», но в итоге он, похоже, оказался слишком... окраинным, потому что надолго туда никто не приезжал.

Гараж самого крупного из коттеджей был открыт. Внутри уже стоял белый кадиллак. Больше ничего интересного не было: ни коробок со скарбом, ни грузовика с мебелью, ни детских игрушек, разбросанных по дорожкам.

Я не осмелилась постучаться в дверь, а заглядывать в окна обитаемого дома означало для меня пойти против собственной осторожной натуры. Я повернулась было, чтобы уйти, как вдруг резкий шум заставил меня вздрогнуть, уронить велосипед и вскрикнуть от неожиданности. Потом до меня дошло, что в доме кто-то с большим воодушевлением играет на фортепиано. Музыка была мне незнакома, и никакого изящества в ней не было. Грохочущие, напряженные звуки напоминали музыкальное сопровождение какого-нибудь страшного фильма – например, такого, в котором маленькую девочку, забравшуюся на чужой участок, убивает сумасшедший хозяин дома. Всерьез перепугавшись, я подхватила велосипед, но обнаружила, что от удара с него свалилась цепь. Пришлось сесть на корточки, чтобы прицепить ее обратно на промасленные зубцы шестеренки. Со мной такое уже случалось, так что я знала, что делать.

Пока я возилась с цепью, музыка продолжала литься. Внезапно ее характер изменился. Она звучала все так же мощно, но теперь каждая нота была наполнена ликованием. Музыка переполнила мое сердце, и по щекам покатились слезы. Я в изумлении принялась утирать их, не думая о том, что размазываю грязь по лицу.

Музыка еще никогда не вызывала у меня слез. Да и плакала я не от грусти. Я чувствовала себя примерно так же, как в церкви, когда пела псалмы о Господе или Сыне Божьем. Только этой мелодии не нужно было слов, чтобы вызвать такие чувства. Я любила слова, но теперь с изумлением обнаружила, что музыка может говорить со мной на совсем ином языке. Я стояла и слушала, но, когда мелодия взмыла ввысь, явно приближаясь к финальным нотам, я подняла велосипед и поспешила прочь от коттеджа, крутя педали в такт музыке, звучавшей у меня в голове.

* * *

– Это доктор на пенсии и его жена, – сообщил мне отец, когда вечером за ужином я рассказала ему про белый кадиллак. – По фамилии Гримвальд или что-то в этом роде.

– Гримальди, – поправил Джейкоб, запихнув в рот ложку картофельного пюре. – Рейчел с мамой помогали прибраться коттедж к их приезду.

Рейчел была девушкой Джейкоба. Ее мама возглавляла женскую организацию в церкви, так что у нее всегда была куча хлопот. От нее можно было узнать самые свежие городские новости, хотя она никогда не злоупотребляла своим положением.

– Рейчел сказала, что жена дока уговаривала их взять деньги за уборку, – продолжил Джейкоб. – Они отказались – она продолжала настаивать. Но мама Рейчел только говорила, что они рады бескорыстно помочь. В итоге жена дока уступила, но предложила Рейчел приходить к ней убираться раз в неделю за небольшую плату. – Довольно рыгнув, братец откинулся на спинку стула.

– А с чего они вдруг переехали в Леван? – спросила я. – У них тут родственники?

К югу от нас в трех часах пути находился городок Сент-Джордж. Именно туда обычно ехали обеспеченные пенсионеры за летним солнышком и мягкой зимой.

– Рейчел говорит, старик пишет книгу, так что ему нужна тишина и покой, – будничным тоном объяснил Джейкоб. – Вроде как они старые друзья Брокбэнков, а Леван по описанию им как раз подходил.

Я подумала о грохочущей, страстной музыке, которую слышала в тот день. Тишина и покой, ничего не скажешь. Я решила, что упрошу Рейчел взять меня с собой, когда она пойдет убираться. Так мне и выпал шанс познакомиться с Соней Гримальди.

* * *

Рейчел, хорошенькая, миниатюрная и рыжеволосая, отличалась добродушием и трудолюбием и никогда не сидела без дела. Она сыпала словами вроде «чудесная штучка» и «прелесть»; сколько бы ни ела, все равно не набирала ни грамма лишнего веса, работала так же быстро, как болтала, и как будто совершенно не знала усталости. Я ее любила, хотя после дня в ее обществе мне неизменно хотелось забиться в укромный уголок и с головой погрузиться в книгу. Рейчел отлично дополняла моего старшего брата, который всегда

медленно говорил и имел самый невозмутимый вид, поэтому мне было приятно, что однажды она, возможно, присоединится к семейству Дженсен и станет моей сестрой.

В следующую субботу Рейчел с радостью согласилась взять меня с собой к Гримальди, и я, в надежде, что неведомый пианист снова сядет за инструмент, с нетерпением ждала возможности еще раз послушать музыку. Когда мы вошли в дом, его обитателей нигде не было, но Рейчел это не остановило. Она сразу же принялась за работу. Я хотела помочь, но от меня только отмахнулись. «Нечего отбирать у меня хлеб», – в шутку сказала Рейчел. Тогда я на цыпочках прошла через кухню и прокралась в комнату, где, по моим расчетам, должно было стоять фортепиано. Оказалось, что это рояль – огромный, черный, блестящий, с высоко поднятой крышкой и длинной гладкой скамьей такого же цвета. Мне ужасно захотелось сесть за инструмент и пробежаться пальцами по клавиатуре, что я, собственно, и сделала. Опустившись на скамью, я осторожно коснулась блестящих белых клавиш и начала тихонько нажимать их по очереди, наслаждаясь чистыми звуками.

– Ты умеешь играть? – раздался голос у меня за спиной.

Мое сердце провалилось в пятки, и я замерла, так и не убрав руки с клавиатуры.

– Ты с таким благоговением касаешься клавиш. Я подумала, ты пианистка, – продолжил голос.

Сердце вернулось на место, громким стуком напоминая, что я все еще жива. Пришлось встать. Я обернулась с виноватым видом. У меня за спиной стояла похожая на птичку женщина чуть выше меня ростом. Ее седые волосы были убраны в высокую прическу, как у Джейн Сеймур в фильме «Где-то во времени». Длинный нос украшали черные очки в роговой оправе, а пурпурный комбинезон сочетался с такого же цвета камнями – гранатами, как я узнала позже, – в ушах, на руках и на шее.

– Меня зовут Джози, – выдавила я. – Джози Дженсен. Я пришла с Рейчел. Играть я не умею... но очень хотела бы.

Женщина с царственным видом проплыла мимо меня и опустилась на черную скамью, которую я только что освободила.

– Кто твой любимый композитор?

Очки сползли ближе к кончику носа, когда она наклонила голову, глядя на меня поверх оправы.

– Я не знаю ни одного, – стыдливо призналась я. – В основном я слышу музыку либо в церкви, либо по радио. Но я очень люблю гимны, которые играют на органе. – Недавние мысли о прическе Джейн Сеймур подали мне идею. – А еще помню музыку из одного фильма. Моя мама его обожала и каждый раз плакала в конце. Он называется «Где-то во времени». Знаете его? – Она не ответила, и я торопливо добавила: – Там все время играла такая песня...

– Ах да, – выдохнула женщина. – Это одно из произведений Рахманинова. Кажется, вот это?

Она начала играть романтическую мелодию – ту самую, которую я помнила. Я опустилась на ближайший стул, с замиранием сердца слушая эти волнующие ноты. Чувства переполняли мою душу, на глазах снова выступили слезы.

Доиграв, женщина повернулась ко мне и, должно быть, поняла по выражению моего лица, насколько меня тронула эта музыка.

– Сколько тебе лет, малышка? – тихо спросила она.

– Первого сентября, во вторник, мне будет десять, – смущенно ответила я.

Зная, что выгляжу старше своего возраста, я стеснялась его называть.

– Что ты чувствуешь, слушая музыку?

– Чувствую, что живу, – не думая, выпалила я и тут же покраснела.

Как ни странно, собеседницу мой ответ устроил.

– Хочешь научиться играть?

– Очень хочу! – восторженно воскликнула я. – Только надо спросить у папы... но он точно разрешит.

В это мгновение новая мысль остудила мой пыл.

– А сколько это стоит? – забеспокоилась я.

– За уроки я не прошу ничего, кроме твоего присутствия и обещания очень усердно заниматься. – Она строго пригрозила мне пальцем. – Если ребенок не хочет трудиться, мои занятия для него заканчиваются очень быстро.

– Я буду заниматься усерднее всех на свете! – искренне пообещала я.

– Школа уже началась?

– Да, мэм, на прошлой неделе.

– Тогда приходи в понедельник после школы, Джози.

Ее худые пальцы мягко пожали мне руку, скрепляя договор. Это был лучший подарок на день рождения.

Соня Гримальди тридцать лет преподавала музыку. Своего мужа Лео, которого также называли «док», она встретила в довольно зрелом возрасте, и общих детей они так и не завели, хотя у дока был сын от первого брака. В Леван их привела цепочка случайностей и странных совпадений. Док дружил со старшим Брокбэнком со школьной скамьи и после окончания медицинского университета стал личным врачом всего семейства. И Соне, и ее мужу уже перевалило за семьдесят, но оба были полны сил и надежд. Док всегда мечтал написать книгу, но раньше практическая медицина совсем не оставляла на это времени. Соня, в свою очередь, хотела воспользоваться возможностью наконец написать музыку. Коттедж на Окраинном холме показался им идеальным убежищем для писателей.

Несколько недель я прочесывала объявления в «Скряге»[6 - Рекламная газета (англ. Penny Pincher).], пока не нашла человека, продающего пианино. Инструмент оказался старым и некрасивым, но у него был глубокий густой звук.

Я взяла деньги, которые мне удалось накопить, продавая куриные яйца на фермерском рынке по выходным, и заплатила всю сумму. Отец немного поворчал, когда за вызов настройщика в Леван пришлось выложить целых семьдесят пять долларов, но деньги все же дал, предупредив, что теперь я обязана как следует заниматься.

С занятиями у меня проблем не было: я не могла оторваться от клавиш. Соня оказалась незаурядным учителем, а я – талантливой ученицей. Вместо уроков раз в неделю, как у большинства юных музыкантов, у меня были занятия каждый вечер. С базой я справилась очень быстро, на лету схватывая музыкальные термины и теорию. Уже через месяц я начала учить пьесы и песни для учеников среднего уровня. На время я даже отложила книги, забыв обо всем, кроме музыки. Каждую свободную минуту я посвящала занятиям. К счастью, отец и братья не так много времени проводили в доме, поэтому моя новая страсть редко кому-то мешала. Соня сказала, что я очень одаренная, хоть и не вундеркинд. Я любила музыку, играла вдумчиво и быстро усваивала то, чему меня учили.

Вскоре я узнала, что музыка, напугавшая меня в тот самый первый раз, когда я проследила за белым кадиллаком, – это произведение Вагнера. Моя учительница произносила это имя на немецкий лад. Мне этот композитор не очень нравился, но Соня говорила, что от его музыки у нее закипает кровь. Этот грохот помогал ей выпустить «внутреннего зверя». Она сказала об этом с улыбкой, и я улыбнулась в ответ. Я не видела в ней ничего зверского, но Соня заверила меня, что у каждого из нас глубоко внутри спрятан зверь.

Если Вагнер давал выход зверю, то Бетховен был голосом красоты. Девятая симфония стала для меня источником жизненной силы. Каждый день в конце занятия я просила Соню сыграть ее – и каждый раз уходила, полная надежды. Зверь был побежден.

* * *

Несправедливо, что десятилетней девочке без матери пришлось самой справляться с ранним взрослением, но так уж вышло. Вскоре после знакомства с Соней Гримальди у меня впервые начались месячные. Обнаружив кровь на нижнем белье, я решила, что смертельно больна, и в ужасе рассказала об этом своей учительнице. Она играла «Лунную сонату» Бетховена. Меланхоличная

красота этой музыки вызвала у меня острый приступ жалости к себе.

- Мне кажется, я умираю, миссис Гримальди, - заплакала я.

И тогда эта сухонькая женщина, обняв меня, попросила объяснить, что случилось. Когда она наконец поняла, о чем речь, то вздохнула и отстранилась. У нее на глазах блеснули слезы.

- Джози! Это не смерть, это новое рождение! - воскликнула Соня.

Я нахмурилась и непонимающе уставилась на нее.

- На самом деле я даже не удивлена. Ты во всем опережаешь свой возраст. Вот и этот новый жизненный этап у тебя начался раньше, чем у других девочек. Джози, женственность - удивительный дар! Сам Господь наградил нас ею. Это особая сила, и тебя она посетила первой из всех твоих сверстниц. Господь отметил тебя. Это нужно отпраздновать! - Она хлопнула в ладоши и поднялась, шурша подолом длинного красного кимоно.

И мы отпраздновали. Зажгли свечи, выпили игристого сидра из хрустальных кубков. Соня с чувством прочитала мне про царицу Эсфирь[7 - Героиня Ветхого Завета, еврейка, жена персидского царя Артаксеркса, заступившаяся перед мужем за свой народ.], чьи красота, благородство и смелость спасли целый народ. Эта женщина держала в своих руках судьбы целых стран. Еще Соня прочитала мне отрывок из Нового Завета о Деве Марии, которая была немногим старше меня, когда стала матерью Спасителя.

Через несколько дней Соня отвезла меня в город, купила мне новые трусики, бюстгалтеры красивых пастельных тонов и майки, которые я могла бы носить, пока в бюстгалтерах нет нужды. Мы обе сделали маникюр и закупили многолетний запас необходимых каждой женщине предметов гигиены. В тот день мне показалось, что мама снова рядом, и я решила, что это она помогла мне встретиться с Соней Гримальди. В конце концов, я ведь сидела на ее могиле, когда впервые увидела белый кадиллак, верно? Я уже не сомневалась, что Господь любит меня, и больше не проклинала свое раннее взросление.

* * *

Однажды ранней весной я пришла на урок и обнаружила, что Соня дремлет на диване, уронив книгу на грудь.

- Соня? - прошептала я.

Мне не хотелось будить ее, но в то же время страшно было уйти, не узнав, все ли в порядке. Ее вид меня испугал: такая маленькая, усталая и бледная, она напомнила мне маму перед смертью.

- Соня? - позвала я снова дрожащим голосом, коснувшись ее руки.

Сонно моргая, она открыла свои карие глаза, которые казались огромными под толстыми выпуклыми линзами роговых очков.

- Ой, Джози! Уже пора? Я прилегла почитать, но в последнее время глаза так быстро устают! Боюсь, придется мне отказаться от книг, - печально закончила она.

Сколько я ее знала, Соня Гримальди никогда раньше не поддавалась грусти. Я посмотрела на книгу у нее в руках.

- «Грозовой перевал», - произнесла я. - А давайте я почитаю вслух, чтобы вам не напрягать глаза? Я хорошо читаю.

Я сказала это с таким серьезным видом, что Соня заулыбалась и протянула мне роман.

- Ну ладно, почитай немного, а потом начнем урок.

«Грозовой перевал» мне ужасно не понравился. Каждый день я приходила на уроки музыки и полчаса читала для Сони, прежде чем сесть за инструмент. Через неделю таких чтений я в гневе отбросила эту гадкую книжку. Несмотря на юный возраст, я была чувствительной и вдумчивой натурой, а Соня объясняла мне незнакомые слова и выражения, так что я поняла большую часть прочитанного.

– Какие ужасные люди! Ненавижу их! Не могу больше это читать!

Я сама не ожидала, что так глупо разрыдаюсь. Всхлипывая, я попыталась справиться с собой.

– Да, верно, – тихо согласилась Соня. – В этой книге многовато уродливого для такой нежной души. Может, однажды ты взглянешь на все это иными глазами... а может, и нет. Хватит с нас Хитклиффа на сегодня. Ну-ка, живо за инструмент! – бодро велела она, и я смиренно последовала за ней, утирая слезы и радуясь, что больше мне не придется бродить по вересковым пустошам с привидениями.

На следующий день меня ждала новая книга. Я заметила фамилию автора – Бронте – и едва не поморщилась. Но Джейн Эйр оказалась совсем не похожа на Кэтрин Эрншо-Линтон[8 - Кэтрин Эрншо-Линтон – героиня романа «Грозовой перевал» английской писательницы Эмили Бронте. Джейн Эйр – героиня одноименного романа Шарлотты Бронте, сестры Эмили.]. Этот роман мне безумно понравился, и я попросила Соню позволить мне взять книгу домой. Она великодушно разрешила, но заставила меня дать обещание выписать все незнакомые слова и посмотреть их значение. Узнав, что у меня нет своего словаря, она дала мне словарь Вебстера 1828 года. По ее словам, это была вторая по важности книга на английском языке после Библии.

Я сдержала обещание и, читая до позднего вечера, записывала слова, значения которых не знала, прямо на стене, возле которой стояла кровать. На следующий день я открывала тяжелый словарь и смотрела значение всех выписанных слов. С каждой новой книгой моя Стена слов разрасталась, как и желание расширить свой словарный запас. Спустя много месяцев отец забрался на чердак, где была моя комната. Он редко поднимался туда – только если искал что-то. Я же в это время возилась с новым рецептом на кухне. Услышав, как отец громко зовет меня по имени, я уронила миску, в которой смешивала ингредиенты.

Я помчалась наверх, боясь, что с ним что-нибудь случилось, но обнаружила, что он стоит возле Стены слов и прожигает ее гневным взглядом.

– Джози Джо Дженсен! Это еще что такое? – Отец указал на стену рядом с кроватью, где теперь красовались ряды слов.

– Это моя Стена слов, пап, – робко объяснила я. Он грозно посмотрел на меня и скрестил руки на груди, и я решила, что лучше рассказать поподробнее.

– Понимаешь, когда я читаю по вечерам, мне не хочется прерываться, чтобы посмотреть незнакомые слова... поэтому я записываю их на стене, а утром ищу в словаре. Это очень познавательно! – заявила я, улыбнувшись и глядя на него с надеждой.

Отец покачал головой, но я заметила, что по его губам тоже скользнула улыбка. Он подошел поближе к стене и прочитал несколько слов.

– «Воспрещать»? – с сомнением произнес он. – Что-то я такого не слышал.

– Это то же самое, что «запрещать». Ты же не станешь воспрещать мне расширять словарный запас? – ухмыльнулась я, осмелев.

Отец расхохотался.

– Да уж, тебе воспретишь. – Он покачал головой и с нежностью посмотрел на меня. Его гнев словно улетучился. – Ладно, Джози Джо. Пиши свои слова. Но только тут, договорились? Не хочу, чтобы ты еще и кухню разукрасила, когда место закончится.

– Наверное, нужно писать помельче, – задумалась я, обеспокоенная конечностью отведенного мне пространства.

Отец, который уже спускался по узкой лесенке, снова рассмеялся.

3. Увертюра

СОНЯ, НАСКОЛЬКО МОГЛА, облегчила для меня тяготы взросления, но перемены в моем теле все равно привлекали внимание окружающих. К седьмому классу я окончательно созрела. Моя стройность никуда не делась, но я выделялась среди сверстниц высоким ростом, наличием груди и округлостью фигуры. Мои одноклассники в это время еще оставались детьми. Тара считала, что мне

ужасно повезло, доставала меня крайне интимными вопросами и один раз даже попросила разрешения примерить мой бюстгальтер, чтобы «понять, каково это – быть женщиной».

Поскольку я была единственной девочкой в семье, мой гардероб не отличался большим разнообразием. Я донашивала за братьями футболки и потертые джинсы – а другого ничего и не было. Отцу просто в голову не приходило купить мне что-то новое, а меня это не слишком волновало, поэтому я не просила. Из того белья, которое купила мне Соня, я выросла за первый год и, если бы тетя Луиза не взяла на себя обязанность время от времени обеспечивать меня необходимыми вещами, не знаю, что бы я делала. Мальчишеская одежда кое-как маскировала особенности моей фигуры, но я все равно сутулилась, стараясь казаться меньше ростом и скрыть грудь. Меня одолевали застенчивость и неловкость.

В какой-то момент я начала слишком близко наклоняться к нотам, что мешало мне держать осанку за инструментом. Соня заметила это и отправила меня к окулисту. Разумеется, мне выписали очки для чтения и игры на фортепиано, но носить их приходилось постоянно, поскольку книги были со мной всегда. Я говорила мудреными словами и могла ни с того ни с сего выпалить какую-нибудь глубокую мысль. Полагаю, сверстники считали меня очень странной.

С седьмого класса начиналась средняя школа, и я была рада оставить позади начальную, надеясь затеряться среди взрослых ребят. Но оказалось, что меня ждала новая пытка. К средней школе относились классы с седьмого по девятый, к старшей – с десятого по двенадцатый, и все мы добирались на учебу в Нефи на одном автобусе. Я ненавидела эти поездки. Мой брат Джонни заканчивал школу, когда я перешла в седьмой класс. Отец почти каждый день разрешал ему брать Старину Брауна (наш древний фермерский пикап), потому что брат играл в нескольких школьных командах и после уроков часто оставался на тренировки. Иногда Джонни мог меня подвезти, но чаще всего он предпочитал взять с собой друзей, так что места для сестренки у него не оставалось. Автобус же ехал медленно, толпа школьников шумела, все толкались, иногда дрались, но больше всего я ненавидела искать свободное место.

Остановка возле моего дома была одной из последних по пути в школу, и каждое утро я с ужасом ждала момента, когда придется идти между сидений в поисках свободного. Мальчики из числа старших школьников обращали на меня излишне много внимания, младшие хихикали, а большинство девочек отчего-то смотрело

враждебно. Тара, моя верная кузина, обычно старалась занять мне место, но провести всю поездку с ней для меня было чуть ли не хуже, чем самой искать свободное сиденье. В свои тринадцать она была ростом с девятилетнего ребенка, и в сравнении с ней я чувствовала себя еще более неловко. Тара к тому же громко разговаривала. В то время как я предпочла бы слиться с фоном, она неизменно привлекала к себе внимание.

Среди местных школьников был одиннадцатиклассник по имени Джоби Дженкинс, который тусовался в той же компании, что и мой брат Джонни. Он вечно паясничал и считал себя самым остроумным на всем свете. Я его не любила. Шутки у него были злые, всегда направленные против тех, кто послабее. Джоби вечно доставал младших школьников в автобусе. Мой отец насмешливо называл его умником, а по мне – так он был самым обычным задирой. И еще Джоби постоянно пялился на мою грудь, так что я просто терпеть его не могла. Мой брат, похоже, ничего не замечал, считал его прикольным парнем и не возражал против его общества. Спортом Джоби не занимался, поэтому он всегда ездил на автобусе, рассевшись на заднем сиденье и изрядно досаждая многим ребятам.

Однажды утром в начале осени я вошла в автобус, готовясь к ежедневной пытке. Тара воодушевленно помахала мне, указывая на наклейки с именами на каждом сиденье. Мистер Уокер, водитель автобуса, решил сам распределить места. Я с огромным облегчением принялась искать свое имя, мысленно благодаря судьбу за то, что мне больше не придется мучиться неизвестностью каждое утро. Шагая по проходу, я начала понимать, что младших школьников – как правило, более худеньких – намеренно разместили рядом со старшими, чтобы легче было сесть на сиденье по трое. Я почти дошла до конца автобуса, когда раздался знакомый голос, заставивший меня залиться краской.

– Джози Дженсен, иди к папочке! – нараспев произнес Джоби Дженкинс. Все вокруг расхохотались. – Эй, сыграем в ковбоев и индейцев? Не бойся, Джоз, я не дам Сэмми сделать тебя своей скво.

Я нашла свое место. Мое имя висело на спинке сиденья прямо через проход от Джоби. Тот развалился в кресле, выставив ноги в сторону. Его торчащие коленки и «рибоки» с развязанными шнурками мешали мне пройти на свое место. Он похлопал по пластиковому сиденью. Рядом с Джоби сидел Сэмюэль Йейтс.

Сэмюэль был внуком Дона и Нетти Йейтс, которые жили на нашей улице. Их сын Майкл, мормонский миссионер, двадцать с лишним лет назад служил в резервации индейцев навахо, а потом еще раз вернулся в Аризону по работе. В итоге он женился на девушке из навахо, и у них родился Сэмюэль. Через несколько лет после этого Майкл Йейтс погиб, упав с лошади. Подробности я не помнила – все произошло, когда я была совсем маленькой, но в таких городках, как наш, жители рано или поздно узнают обо всем.

Про Сэмюэля я впервые услышала, когда несколько женщин, включая Нетти Йейтс, собрались у нас на кухне, чтобы заняться соленьями. После того как умерла моя мама, соседки каждый год приносили нам овощи со своих огородов и целый день закатывали их в банки, так что под конец все полки были уставлены плодами их трудов. В тот августовский день на кухне было жарко. Пахло тушеными помидорами. Соседки болтали, а я с нетерпением ждала окончания действия. Благодарность не позволяла мне уйти и заняться своими делами. От скуки я прислушалась к разговору. Нетти Йейтс как раз делилась своими опасениями:

– Мать с ним уже не справляется. Видите ли, она второй раз вышла замуж. Похоже, Сэмюэль не ладит с отчимом и его детьми. По-моему, там явно замешана выпивка. Этот новый муж, кажется, многовато пьет. В этом году Сэмюэль постоянно ввязывался в драки, и его выгнали из школы в резервации. Он переезжает к нам, но в нем так много злобы... Меня это беспокоит. – Нетти вздохнула и продолжила: – Надеюсь, его здесь не станут обижать. Майкл был бы рад. После его смерти мы готовы были забрать мальчика, но мать и слышать об этом не желала. Мы звали ее переехать к нам вместе с Сэмюэлем, но она решила вернуться в резервацию к своей матери. Я ее не осуждаю. Она выбрала место, где ей все знакомо. Так проще, особенно когда потеряла любимого и ищешь утешения. Но мы за все эти годы внука толком не видели. Дон надеется, что Сэмюэль будет помогать ему с овцами. Эти навахо знают толк в овцах. Сэмюэль с шести лет пас овец вместе с бабушкой. В любом случае, теперь он будет ходить в школу здесь. Ему остался год. Надеюсь, сможет получить аттестат. Ну, а там уже сам решит, что делать дальше. – Нетти закончила свой рассказ с тяжелым вздохом, продолжая ритмично нарезать помидоры в миску.

Сэмюэль поднял на меня взгляд, когда я попыталась пролезть мимо Джоби. Его темные глаза смотрели сурово, на губах не было и тени улыбки. Недовольно нахмуренные брови выделялись на фоне тепло-коричневой кожи. Черные волосы лоснились и доставали до плеч. Я ни разу не разговаривала с Сэмюэлем Йейтсом

и не слышала, чтобы он разговаривал с кем-то еще. Его лицо излучало враждебность, уголки широкого рта были опущены. Сэмюэль отвел взгляд, а я попыталась сесть на место, не задев Джоби, но тот в последнюю секунду дернул меня, и я плюхнулась прямо к нему на колени.

– Джози! – воскликнул он в притворном изумлении. – Я же пошутил, когда сказал: «Иди к папочке»!

Все снова захохотали, а Джоби сделал вид, что пытается оттолкнуть меня, в то же время не давая мне высвободиться.

Он щекотал и тискал меня, и я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Кто-то из сидящих впереди, видимо, заметил выражение моего лица и крикнул:

– Ой-ой-ой, Джоби! Она же сейчас заревет!

– Упс! – Мой мучитель взглянул на меня. – Не плачь, Джози, я же просто шучу! Ну-ну, я поцелую, и все пройдет.

Джоби нелепо вытянул губы трубочкой и чмокнул меня в щеку.

– Прекрати, Джоби! – зашипела я, толкаясь локтями и стараясь вырваться из его объятий.

Внезапно он спихнул меня на Сэмюэля. Я стукнулась головой об окно, а ляжки рюкзака сползли, стянув руки у меня за спиной. Я уткнулась лицом прямо в колени Сэмюэля и вскрикнула, когда тот резко поднял меня. Школьники вокруг взвыли от смеха.

Вдруг Сэмюэль вскинул правую руку и столкнул Джоби с сиденья. Тот с грохотом упал на пол в проходе и крикнул от неожиданности. Я не успела даже понять, что происходит, а Сэмюэль уже пересадил меня на место у окна, а сам поднялся, нависая над перепуганным Джоби. Всеобщий хохот сменился нервным шепотом, а потом и вовсе тишиной. Сидевшие вокруг ребята уставились на происходящее, разинув рты и широко раскрыв глаза. Мои щеки горели от унижения. У меня кружилась голова, я едва дышала. Сэмюэль посмотрел сверху вниз на моего

обидчика, положив руки на спинки сидений по обе стороны от прохода. Джоби уставился на него, беззвучно шевеля губами, как будто никак не мог придумать, что именно сказать.

- Не плачь, Джоби! Я же просто шучу.

У Сэмюэля был мягкий, глубокий голос. Он произнес это с каменным лицом. Те школьники, которые недавно смеялись надо мной, теперь снова захохотали.

Автобус как раз подъехал к последней остановке, когда водитель заметил переполох в конце салона. За два месяца, что Сэмюэль провел в нашей школе, он ни разу не обратил ни на кого внимания и почти ни с кем не разговаривал, а из-за его высокого роста и угрожающего вида другие школьники предпочитали не лезть к нему. Теперь все, включая Джоби, ошеломленно уставились на него.

- В моем автобусе драться запрещено! - закричал мистер Уокер.

Нажав на тормоз, он тут же отстегнул ремень и побежал по проходу к тому месту, где стоял Сэмюэль. Тот, никак не реагируя на приближение водителя, медленно наклонился, протянул руку Джоби и помог ему встать. Потом он неторопливо повернулся, взглянул на бедного мистера Уокера с высоты своего роста и сорвал наклейку с именем Джоби с сиденья, которое теперь занимала я. Все взгляды тут же обратились на меня, и я вздрогнула, втянув голову в плечи.

- Джоби нужно новое место, - спокойно произнес Сэмюэль.

Он наклеил липкую полоску на лоб моего обидчика, не сводя взгляда с водителя. Мистер Уокер пребывал в растерянности, и даже Джоби в кои-то веки не знал, что сказать.

- А это не подходит? - спросил водитель, указывая на занятое мной место.

Я заметила, что мистер Уокер тоже заговорил тише, словно подстраиваясь под тон Сэмюэля.

- Нет, это - нет, - медленно проговорил тот. Он на мгновение задержал взгляд на лице водителя, а потом сел рядом со мной и уставился в окно. И ни слова

больше.

Мистер Уокер молча переклеил мое имя туда, где я теперь сидела, и велел Джоби занять мое прежнее место. Понимая, что расстановка сил поменялась, тот сорвал наклейку со лба, наклеил ее на чьи-то волосы и громко заржал. Потом отвесил кому-то еще подзатыльник, явно пытаясь сделать вид, что произошедшее его не задело. Если бы я не видела все своими глазами, ни за что бы не поверила, что кто-то осмелился столкнуть Джоби на пол и не получил за это пару ласковых и кулаком в нос. Но он сказал только:

– Вот черт, кажется, Сэмми меня недолюбливает!

Окружавшие его школьники нервно захихикали, а Джоби покосился на Сэмюэля. Но тот его словно не замечал, глядя в окно поверх моей головы.

* * *

Зима пришла рано, и в конце октября леванцы уже обували детишек в дутые сапоги, надевали на них шапки и пуховики, в которых каждое движение становилось неуклюжим. Первого сентября мне исполнилось тринадцать, и тетя Луиза купила мне новое зимнее пальто яркого фиолетово-голубого цвета. Ничего красивее у меня в жизни не было. Когда тетя принесла подарок, отец сказал, что нам от нее благотворительности не нужно. Луиза, будучи сестрой моей матери, распекла папу так, что мало не показалось. Напомнила ему, что я уже несколько лет хожу без нового пальто, а в прошлом году всю зиму носила старую джинсовую куртку Джонни, надевая под нее несколько фланелевых рубашек. Возмущенная Луиза заявила, что она больше этого не потерпит. Ее обвинения совсем выбили отца из колеи, и он посмотрел на меня так, будто впервые видит. Я погладила его по руке и попыталась утешить:

– Мне нравилась куртка Джонни, пап, иначе я бы ее не носила.

Уже позже я снова заметила, что отец смотрит на меня с какой-то затаенной тоской. Однажды я даже спросила, почему он грустит. Папа улыбнулся и покачал головой.

– Я не грущу, Джози Джо. Просто задумался о том, как быстро ты выросла. Мало тебе досталось детства. Совсем мало.

Он погладил меня по плечу и тут же ушел на задний двор, к загону с лошадьми и пастбищу.

В тот самый понедельник на земле лежал свежий слой воскресного снега – так мы называли снег, выпавший в воскресенье и еще не исхоженный с утра. По этому прекрасному белому одеялу я в старых теннисных кроссовках побрела к остановке. Сэмюэль Йейтс уже стоял там, поэтому в автобус забрался раньше меня. Он прошагал прямо к нашему сиденью и устроился у окна. Сэмюэль ходил без шапки. Он носил стеганую куртку, отороченную овчинкой, и мокасины. Я задумалась, не мерзнут ли у него ноги. Впрочем, мокасины по крайней мере выглядели сухими, чего нельзя было сказать о моих кроссовках, так что я быстро отбросила эту мысль.

Сэмюэль словно не замечал меня – да и всех остальных – с того самого дня, как столкнул Джо-би в проход. Третьего пассажира к нам так и не посадили. Наверное, мистер Уокер побаивался, что это может плохо закончиться, и решил, что лучшее – враг хорошего. Так что я всю неделю ездила в школу и обратно, сидя рядом с Сэмюэлем в полном молчании. Меня это вполне устраивало: с книгой я никогда не скучала. Недавно я взялась за романы Джейн Остин и как раз читала «Доводы рассудка».

Я была погружена в страдания бедняжки Энн, когда Сэмюэль вдруг заговорил:

– Ты много читаешь.

Эти слова, произнесенные негромко и отрывисто, прозвучали почти как обвинение.

– Да, – ответила я, не зная, что еще добавить.

– Почему?

– Нравится. А ты разве не читаешь?

– Я умею читать! – В его мягком голосе зазвенели гневные нотки, глаза сверкнули. – По-твоему, если я из навахо, это значит, что я тупой?

Краснея и заикаясь, смущенная тем, что меня совсем не так поняли, я возразила:

– Я не это имела в виду! И вовсе я так не думаю! Я хотела спросить, нравится ли тебе читать.

Он не ответил, уставившись в окно, и мне ничего не оставалось, кроме как вернуться к книге. Но слова путались у меня в голове, и я тупо уставилась в открытую страницу. Меня мучила мысль о том, что я обидела человека, который совсем недавно выручил меня. Я решила попытаться еще раз.

– Прости меня, Сэмюэль, – неловко проговорила я. – Я не хотела ранить твои чувства.

Он фыркнул и посмотрел на меня, приподняв бровь.

– Ранить мои чувства? Я тебе не маленькая девочка.

Его голос прозвучал слегка насмешливо. Сэмюэль взял книгу из моих рук и прочитал первый попавшийся ему на глаза абзац.

– «Я не могу долее слушать вас в молчании. Я должен вам отвечать доступными мне средствами. Вы надрываете мне душу. Я раздираем между отчаянием и надеждою. Не говорите же, что я опоздал, что драгоценнейшие чувства ваши навсегда для меня утрачены»[9 - Цитируется в переводе Е. Суриц.].

Сэмюэль явно хотел продемонстрировать мне, что умеет читать не хуже других, но резко смолк, смущенный романтическим посланием капитана Уэнтуорта к Энн. Мы оба замерли, уставившись в книгу. Потом я, не выдержав, засмеялась. Сэмюэль нахмурился. Но через минуту он выдохнул, и уголки его губ дрогнули.

– Сколько тебе лет? – спросил он, слегка приподняв брови.

– Тринадцать, – сказала я, готовясь оправдываться. Я выглядела и ощущала себя старше, и это меня раздражало.

Глаза Сэмюэля широко раскрылись от удивления.

- Тринадцать? – Он не столько переспрашивал, сколько выражал глубокое сомнение. – Это ты, получается, в седьмом классе? – так же недоверчиво произнес Сэмюэль.

Я поправила очки на переносице и вздохнула.

- Так и есть.

Я забрала у него роман и приготовилась продолжить путь в молчании.

- А эта книга для тебя не слишком... взрослая? – не отставал Сэмюэль.

Он снова вырвал у меня «Доводы рассудка» и прочитал еще немного, на этот раз про себя.

- Я тут половину слов не понимаю. Как будто другой язык!

- Поэтому я читаю со словарем... только я его в школу не беру: слишком тяжелый. – Смутившись, я посмотрела в книгу. – В каком-то смысле язык действительно другой. Моя учительница, миссис Гримальди, считает, что наша речь постепенно приходит в упадок.

Сэмюэль изумленно уставился на меня.

- Но различия, конечно, не такие большие, как между навахо и английским, – продолжила я, пытаюсь втянуть его в дальнейшую беседу.

Я с трудом верила, что он вообще говорит со мной, особенно теперь, когда узнал, что я жалкая семиклассница.

- Да, навахо совсем другой. – Невидимая дверца захлопнулась. Сэмюэль отвернулся к окну и больше ничего не сказал.

* * *

Только через несколько дней Сэмюэль снова заговорил со мной. В прошлый раз наша беседа довольно резко оборвалась, и я не решалась первой обратиться к нему.

– Я ненавижу читать.

Он сказал это, будто напрашиваясь на ссору, и бросил на меня гневный взгляд. Я, как обычно, сидела с книгой на коленях. Не зная, какого ответа от меня ждут, я повернулась к нему.

– Понятно, и?..

Он достал из рюкзака книгу и бросил ее мне на колени вверх «Гордости и предубеждения». Это был «Грозовой перевал». Я с трудом сдержала сочувственный стон. С тех пор как Соня позволила мне отложить этот роман, я так и не попыталась его дочитать. Мне было жаль тратить на него время. Мои дни были заняты учебой, уроками музыки, самостоятельными занятиями за фортепиано и работой по дому, в котором кроме меня жили двое мужчин – Джаред и Джейкоб к тому моменту практически съехали. Почитать мне удавалось только в автобусе, да еще перед сном, когда я добросовестно искала в словаре определения незнакомых слов. Я все равно успевала прочесть пару книг в неделю, но все-таки уже не глотала их пачками, как летом. «Грозовой перевал» точно не входил в список произведений, которые я планировала прочесть, – да, у меня был такой список.

– Я читала отрывки из этой книги, – осторожно призналась я, не понимая, зачем Сэмюэль бросил ее мне.

– Так и знал, что ты это скажешь, – усмехнулся он. – Похожа на ту, что ты читала недавно. Такая же непонятная.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Если название Levan прочитать справа налево, получится слово navel (англ. «пупок»).

2

Героиня одноименного романа для детей канадской писательницы Люси Монтгомери.

3

Речь идет о Саре Кру, героине одноименного романа для детей английской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт.

4

Героиня повести для детей «Хайди: годы странствий и учебы» швейцарской писательницы Иоханны Спири.

5

Одна из книг цикла «Хроники Нарнии» британского писателя Клайва Стейплза Льюиса.

6

Рекламная газета (англ. Penny Pincher).

7

Героиня Ветхого Завета, еврейка, жена персидского царя Артаксеркса, заступившаяся перед мужем за свой народ.

8

Кэтрин Эрншо-Линтон – героиня романа «Грозовой перевал» английской писательницы Эмили Бронте. Джейн Эйр – героиня одноименного романа Шарлотты Бронте, сестры Эмили.

9

Цитируется в переводе Е. Суриц.

Купить: https://tellnovel.com/ru/harmon_emi/bosikom-po-trave

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)